

Сидя в поезде, направляющемся в польский город Тересполь на границе с Беларусью, Али равнодушно смотрит в окно на практически однообразный ландшафт. Он с женой и тремя детьми отправляется этим рейсом уже в 20-й раз. А, может, в 21-й. Он уже сбился со счета.

Али, хорошо сложенный молодой человек с грустной улыбкой, является членом Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Он стал одним из множества граждан этой страны, которым пришлось покинуть родину из-за нарастающей волны репрессий, включая закрытие ПИВТ в сентябре 2015 года.

Часть бегущих из Таджикистана ехали через Беларусь в Евросоюз, но затем у них прямо перед носом захлопнули двери.

По неписаному правилу, люди без шенгенской визы, планирующие просить убежища в Польше, садятся в последний, купейный вагон. Некоторые болтают в темноте, кто-то сидит молча в нервном ожидании. Может быть, в этот раз повезет, и их впустят в Польшу. Дети Али играют и шалят. Они уже так часто ездили по этому маршруту, что он практически стал частью ежедневной рутины.

Али и члены его семьи живут в белорусском Бресте, пригороды которого прилегают к границе с Польшей. Дети не играют на улице, и вообще практически не выходят наружу. Из соображений безопасности они живут, играют, спят и едят в гостиничном номере, который снимают их родители.

По данным польского Управления по делам иностранцев, с конца 2015 года наметился рост числа граждан Таджикистана, просящих убежища в Польше. Большинство едут через пограничный переход у города Тересполь, т.к. туда легко добраться поездом из Москвы или Минска.

Число заявок на получение статуса беженца достигло месячного пика в 129 человек в мае прошлого года, по сравнению со всего 18 заявками в том же месяце годом ранее. В последнее время количество подающих стало падать. Например, в ноябре было зарегистрировано всего четыре просителя убежища. В то же время, по данным польской пограничной службы за январь-октябрь 2016 года, 5503 гражданам Таджикистана было отказано во въезде в Польшу, по сравнению с 1896 лицами за то же период предыдущего года. Между тем число российских граждан в этой группе, в основном чеченского происхождения, составило в 2016 году свыше 68 тысяч человек.

С лета 2016 года на границе Беларуси с Польшей разворачивается собственный небольшой миграционный кризис. И хотя право просить убежища является правом, признанным законодательством как ЕС, так и Польши, польские пограничники начали в массовом порядке отказывать во въезде беженцам под тем предлогом, что у тех нет визы, наличие которой не является обязательным для подачи документов на статус беженца.

Марта Щепаник, эксперт по миграционным вопросам в варшавском Хельсинкском фонде за права человека, отметила, что в 2016 году число лиц, которым было отказано во въезде в Польшу, достигло беспрецедентного уровня. По данным белорусской правозащитной организации Human Constanta, помогающей ищущим убежища лицам, на пике кризиса в августе-сентябре 2016 года в Бресте скопилось до 3 тысяч человек, пытавшихся пробиться в Польшу.

Будучи российскими гражданами, чеченские мигранты могут снимать частные квартиры и оставаться на территории Беларуси без регистрации в течение 90 дней. Для граждан Таджикистана все не так просто: им необходимо проходить регистрацию, одним из требований для которой является проживание в стоящих очень дорого гостиницах. В особых случаях таджикские граждане имеют право подать документы на временное проживание в Беларуси на срок до 12 месяцев, но многие либо не знают о такой возможности, либо не хотят ей воспользоваться.

В декабре Али с семьей приближались к концу максимально разрешенного периода пребывания в Беларуси. За день до истечения этого срока их опять не пустили в Польшу и отказали в праве просить убежища.

Причины, по которым мигрантам не дают просить убежища, не ясны. По словам представителя польской пограничной службы Дариуша Сиенчки, не было ни одного случая, чтобы людям не дали подать на статус беженца. Но работающие с мигрантами правозащитные организации, а также сами желающие подать на убежище, утверждают об обратном.

Иногда проблемы возникают из-за процедурных ошибок.

Согласно данным тереспольской наблюдательной миссии польского омбудсмана по правам человека, являющейся единственным ведомством, представителям которого позволяется наблюдать за собеседованиями с въезжающими на границе, большинство мигрантов не просят об убежище напрямую во время общения с пограничниками. Но даже некоторым из тех, кто просит, все равно отказывают во въезде в Польшу.

Это является прямым нарушением международного законодательства по поводу беженцев и права просить убежища, особенно с учетом того, что, в соответствии с польским законодательством, рассмотрением заявок на получение убежища должны заниматься не пограничники, а Управление по делам иностранцев. Таким образом, пограничная служба принимает решения все своей компетенции, а Управление по делам иностранцев не имеет своих представителей на границе.

Щепаник заявила, что излюбленным объяснением властей стало то, что, мол, мигрант не просил убежища. Также, по ее словам, существуют методологические проблемы. «Задаваемые пограничниками вопросы часто формулируются таким образом, чтобы доказать, что мигрант пытается проехать в страну в основном по экономическим соображениям, а аспекты, касающиеся возможного преследования, обычно не затрагиваются», – сказала она.

Анна Теслевска, эксперт по Центральной Азии в Ягеллонском университете, объяснила, что начало преследования ПИВТ и ее сторонников в Таджикистане восходит примерно к 2010 году, когда власти начали вводить серьезные ограничения в религиозной сфере под предлогом борьбы с исламским экстремизмом. Репрессии особо усилились в сентябре 2015 года, когда ПИВТ связали с попыткой государственного переворота под руководством недовольного заместителя министра обороны.

Отказ польского правительства признать, что ситуация с репрессиями в Таджикистане ухудшилась, раздражает правозащитников.

Ущемление прав человека в Таджикистане «требует от ЕС, включая Польшу, предоставить защиту преследуемым по политическим мотивам, – сказал EurasiaNet.org Стив Сврдлоу, исследователь по Центральной Азии в «Хьюман Райтс Вотч». – Также необходимо, чтобы право на получение убежища соблюдалось в соответствии с принятыми на себя Варшавой международными обязательствами, и чтобы не совершались явные попытки обойти закон о беженцах».

Существует множество примеров того, что таджикские власти преследуют оппозицию и за границами страны. В конце 2014 года в Москве пырнули ножом жившего в России молодого политического активиста Максуда Ибрагимова, а несколькими неделями позже его насильно депортировали в Таджикистан, где ему предъявили обвинения в терроризме и приговорили к 17 годам тюрьмы. В марте 2015 года лидера антиправительственной «Группы 24» Умарали Кувватова застрелили в Стамбуле после того, как турецкие власти отказались экстрагировать его в Таджикистан. Активисты-правозащитники подозревают, что убийство Кувватова было делом рук людей, действовавших по поручению таджикских властей.

Также таджикское правительство для возвращения домой критикующих его лиц пользуется международными соглашениями о выдаче преступников.

В июне 2015 года польские власти отказали во въезде в Польшу члену «Группы 24» Шабнам Худойдодовой. Когда она вернулась в Брест, сотрудники белорусской милиции задержали ее по подозрению в экстремистской деятельности. Таджикские власти включили ее имя в базу данных Интерпола и попросили выдать ее. Худойдодова утверждает, что после ареста к ней в камеру приходили офицеры таджикских спецслужб, которые ее избили.

Лишь через девять месяцев, и после вмешательства международных правозащитных организаций и посольства США в Беларуси, Худойдодовой позволили въехать в Польшу, где она сейчас ожидает решения о предоставлении ей политического убежища.

По словам Теслевской, причиной жесткой позиции Польши по отношению к просящим убежища гражданам Таджикистана и других стран могут быть несколько факторов. Первым является мнение о том, что процедурами для получения политического убежища неправомерно пользуются большие массы экономических мигрантов. Экономический спад в России сказался на всем постсоветском пространстве, включая Таджикистан. Экономические проблемы заставляют многих потенциальных трудовых мигрантов отправляться все дальше и дальше в поисках мест для проживания и работы.

Теслевска также отметила, что в 2015 году около 90% из порядка 500 заявок от граждан Таджикистана на получение убежища в Польше были отозваны, по всей вероятности по той причине, что подавшие документы лица покинули польскую территорию и отправились в другие европейские страны, где зарплаты выше и есть более крупные таджикские общины. Большинство политических диссидентов хотят попасть в Германию, т.к. именно там находится штаб-квартира ПИВТ.

Ужесточение Польшей требований к въезжающим также может объясняться давлением со стороны других стран ЕС, в частности Германии, которая с трудом справляется с притоком беженцев. Многие рассматривают Польшу лишь в качестве транзитной страны на пути к истинной конечной цели – ФРГ. Хотя эксперты говорят о возможности закулисных соглашений, никаких доказательств этому нет.

Согласно данным польского Управления по делам иностранцев, в 2016 году в Польше убежище или другую форму защиты получили 13 таджикских граждан. Также было прекращено рассмотрение 633 заявок на убежище, по большей части по причине отъезда просителей. Шестерых человек отправили обратно в Таджикистан.

Это, несомненно, плохая новость для Али и других диссидентов, пытающихся попасть в Польшу. Хотя число подобных семей в Бресте постепенно сокращается, также сокращаются и возможности для получения убежища теми, кто спасается из Таджикистана.